

НА ПУТИ К ДУХОВНОМУ

*Можно заниматься работой,
а можно работу делать.
Александр Бахмутский.*

Всякий раз, когда мне удаётся побывать на занятиях семинара «Еврейские мыслители», я чувствую, что нахожусь в удивительном мире, способном увести то в глубокую древность, то вернуть в наши дни, к современным научным и духовным знаниям. Нескончаемые дискуссии по вопросам значения и смысла написанного мудрецами – обычная атмосфера, в которой учёные пытаются преодолеть кажущиеся непреодолимыми противоречия между названными видами Знания, соединить несоединимое, не пытаюсь, правда, с помощью науки доказать существование Высшей Силы, ибо нельзя доказать недоказуемое. Тайн в нашем мире ещё много и, по-видимому, человечество не скоро найдёт ответы на непростые вопросы. Кое-какие из них я попыталась задать руководителю семинара «Еврейские мыслители» кандидату технических наук Александру Бахмутскому. Семинар этот действует при Общинном центре Хабад для русскоговорящих евреев (директор центра рав Шауль-Давид Бурштейн), его работу поддерживает руководитель Дома

репатриантов, заместитель мэра Юлия Штрайм. Проводится он силами Дома учёных Хайфы, который и возглавляет мой собеседник.

– Александр, сама тема предстоящего разговора предполагает хотя бы краткое знакомство с Вами – человеком, который, не отказываясь от своего научного багажа, проникает в сферу духовных знаний. С чего начинался этот путь?

– За плечами немало лет, но я не отношу себя к тем людям, чьи биографии интересны. В моей жизни не было ни подвигов, ни приключений, ни страданий (отец приучил меня относиться к ним как к неприятностям: не старайся всё предвидеть и запомни, что доброе имя легко потерять и очень трудно восстановить). Так что, по сути, мне и рассказывать-то нечего, ибо всё, за исключением родителей, типично: детский сад, школа, октябрёнок, пионер, комсомолец, техникум, армия, институт, работа «вечного зама». Никогда не стучал, никого не подставлял, не подличал, не воровал, не привлекался. Как видите – ничего поучительного: жил правильно, но в отличие от персонажа известного анекдота, всё же не зря.

– О «нетипичности» Ваших родителей расскажите, пожалуйста.

– В общем-то, они обычные интеллигентные замечательные люди, но с непростой судьбой. А у кого она была простой? Я сын двух представителей интеллигенции, то есть родился в том слое, который в России не любят независимо от национальности и строя. Отец невольный кадровый военный, хотя по характеру он – человек гражданский, с обострённым чувством справедливости и чести. Он воевал в Гражданскую и в Отечественную, а в промежутке между ними получил два высших образования – инженера-экономиста и инженера-химика. Мама – инженер-путеец, строила город Комсомольск, но не на Амуре, а под Москвой. В детстве она росла под присмотром француженки-гувернантки в обеспеченной семье, которую после Октябрьского переворота власть Советов лишила всех прав: на работу, на учёбу, на достойную жизнь. В памяти остался рассказ мамы о том, как они ежедневно в одно и то же время садились за стол и имитировали обед, постукивая ложками по пустым тарелкам, чтобы соседи знали, что у семьи всё хорошо. Есть у нашего народа «слабость»: важно мнение других людей. Шёл двадцать четвёртый год, повсеместно свирепствовали погромы. О предстоящем погроме в Павлодаре предупредили соседи, и бабушка, прихватив с собой троих детей, уехала в Харьков. Там они неведомым мне образом из категории «лишенцы» попали в категорию «сочувствующие», что позволило всем детям получить образование. Как бабушка сводила концы с концами, я не знаю. Полагаю, что ей, молодой вдове, помогал старший брат. А её муж, мой дедушка, за деловую поездку в Крым, где его застала Гражданская война, жизнью заплатил. Уж не знаю, каков был рок, но много позже визит мамы ко мне в Крым также закончился инсультом и... Я сказал бы – мистика, если бы это не было горькой правдой. Мои родители познакомились в Харькове. В первый день войны отец отправил маму и брата в Саратов, а сам ушёл на фронт, откуда его откомандировали в Академию химзащиты имени К.Е. Ворошилова. Иногда он рассказывал о печально знаменитой защите Москвы курсантами этой Академии: с палками против танков (другого вооружения по каким-то причинам не было). Снова фронт, тяжёлая контузия, госпиталь. Потом, до полного выздоровления, отец преподавал в военном училище, в тот период, когда мне суждено было родиться. Так что к войне у меня двойственное отношение: своим рождением я в какой-то мере обязан не только своим родителям. Я тихо надеялся, что войну именно потому назвали Великой, что появился на свет я. Правда, мама так почему-то не считала и, когда я шкодил больше обычного, ласково внушала через доходчивое место, приговаривая: не пойму, кого из вас контузили... Так, в конце концов, по тону произнесённых слов я понял, что шкодить нехорошо. Но это было позже, а до этого отца демобилизовали по инвалидности, он занялся моим воспитанием, а мама пошла работать.

От меня отец ничего не скрывал, и потому рано сформировалось моё, сегодня я бы сказал, взвешенное отношение к происходящему в стране нашего исхода. Когда умер Сталин, я не плакал и не радовался, но не считал, что мы потеряли того, без кого жить невозможно. Позже я не впал в состояние эйфории от разоблачений, прозвучавших на двадцатом съезде. Уже тогда я многое понимал, знал – по-своему, конечно, – цену и власти, и тому, что стояло за ней...

– *А сегодня?*

– Наверное, как любой, осмелюсь предположить, интеллигентный человек, я – оппозиционер по отношению к любой власти. Но оппозиционер не разрушающий, а созидающий. Согласитесь, что власти проще манипулировать людьми, чем создавать им условия для деловой активности, для поддержки и защиты, для предотвращения паразитирования одной части населения за счёт другой.... В государстве всегда много противоречивых проблем: государство – гадкий утёнок, у которого всегда что-то застревает. Чтобы это происходило реже, и нужна конструктивная оппозиция. Думаю, к тому же, что любая власть – это узаконенное насилие, которое должно всегда оставаться в рамках Закона. Я не считаю, что демократия – это вседозволенность. Думаю, что демократия должна всё же быть диктатурой, но диктатурой Закона, а вот при законотворчестве и надобно соблюдать демократические нормы, установленные выборной частью власти, то есть законодателем.

– *Какая власть, на Ваш взгляд, идеальная?*

– Идеально, когда желания народа не превышают возможности государства, в том числе и экономические. Я – за принципы соответствия интересов народа и интересов государства. В процессе развития или в случае неприятностей власть должна поддерживать народ с помощью Закона и надлежащего правоприменения. К тому же уже давно пора перейти от трёх ветвей власти (законодательной, исполнительной и судебной) к четырём (нет, я не имею в виду средства массовой информации). Демократия сегодня нуждается в признании еще одного принципа: соответствия интересов системы (государства) и интересов его компонентов (общества, бизнесов и так далее...), то есть четвёртой ветви власти, как некоего гаранта этого соответствия. Так что моя оппозиция, скорее всего, рационально-психологическая.

– *Похоже, что Вам не всё легко в жизни доставалось.*

– Как и многим, наверное. Поколению родителей досталось больше. Россия – страна щедрая: «орехов» хватает на всех, при этом войны не были самым страшным и унижительным испытанием. К этому могу добавить, что хуже, чем всем, мне тоже не было: родители нас с братом любили, а что ещё ребёнку надо для счастливого детства? Они заботились о нас, но по-разному: мама смотрела, чтобы мы с братом были сыты и чисто одеты, папа оберегал нас от психических травм, изредка, по необходимости, помогал разобраться с уроками или школьными конфликтами, но никогда не вмешивался: решения принимаешь сам, действуешь сам и за последствия отвечаешь сам. Тогда мне это было огорчительно, а сейчас понимаю, что отец был прав. Например, вывести меня из состояния равновесия и заставить заплакать было практически невозможно: не яви противнику слабость – она вызовет не сострадание, а ещё большую жестокость. Инвалидность «пятой группы» помешала мне поступить в Харьковский заочный политехнический институт, хотя я набрал на три балла больше проходного. Почему в заочный? Просто пришло время возвращать долги родителям: я должен был работать.

Завершая службу в армии, я всё-таки поступил в тот же Харьковский политехнический институт, но на очное отделение, что позволило мне на несколько месяцев раньше демобилизоваться. После первого или второго семестров мне разрешили подрабатывать на кафедре. Институт я окончил с отличием, подтвердив новизну своей

разработки авторским свидетельством на изобретение. Поскольку при распределении представители «почтовых ящиков» от меня отказались, то меня оставили работать на кафедре, за что я бесконечно благодарен декану Виталию Звереву. Вот это был настоящий «осколок» русской интеллигенции. Через полтора года я написал диссертацию на тему «Критерии и оценки точности информационно-измерительных систем». Но сразу ее не защитил.

– **Что же помешало?**

– Скорее «кто», хотя «оно» не стеснялось позорить звание профессора. Действующий ректор состарился, и секретарь парткома, вдохновлённый двадцать четвёртым съездом КПСС, начал борьбу за национальные кадры, а на самом деле возжелал стать ректором политеха. Схватку «под ковром» выиграл прежний ректор. А моя пятая графа стала причиной того, что секретарь парткома не подписал мою характеристику. Потому к защите диссертации я не был допущен. Но не жалею об этом, как, впрочем, никогда и ни о чём, что бы ни случилось в моей жизни. Из института я ушёл на производство: там воздух чище и люди честнее. Проработав на Харьковском предприятии по ремонту энергетического оборудования пару лет и заручившись поддержкой дирекции, удалось создать СКБ измерительных приборов. Меня назначили заместителем начальника СКБ. Постепенно мы сняли с производства все прежние приборы, а взамен начали выпуск новых. Все приборы были аттестованы, а два типа термопреобразователей прошли государственные испытания, по своим характеристикам превосходили аналогичные преобразователи, выпускавшиеся на заводах министерства приборостроения, и были отмечены Знаком качества. Потом был в моей жизни Крым: мне предложили создать предприятие по ремонту энергетического оборудования «Крымэнергоремонт».

– **Вы об этом так легко рассказываете, а ведь предприятия создаются годами...**

– Вы правы, как я потом узнал, мой предшественник занимался этим одиннадцать лет. Будете удивляться, но у меня на формальную сторону ушло всего две недели, а уже через месяц предприятие «Крымэнергоремонт» заработало. Звучит хвастливо, но всё определяется не талантами, а методами работы и мотивацией: можно заниматься работой, а можно работу делать. Вот и все секреты, и способности особые не нужны. Эти две недели, прожитые в кабинетах министерства энергетики Украины, были великолепной школой. Удалось многое понять и научиться работать с теми, кого я всегда недолюбливал: с министерскими бюрократами. Для меня было открытием, что они нормальные люди и зачастую очень неплохие. Просто у них центры интуиции находятся в другом месте.... Важно это понимать и работать только с теми инструкциями, которые им хорошо известны и не вызывают сомнений!

– **Вы и возглавили «Крымэнергоремонт»?**

– Нет, я стал заместителем главного инженера: человек беспартийный не мог быть серьёзной номенклатурой. Поэтому я профессиональный зам. Кстати, это, как и многое другое, научило меня работать вторым номером, соизмеряя свои мнения и возможности с интересами и мнениями выше сидящих, научило убеждать и добиваться желаемого, не впадая в крайности, не прибегая к подлости и спекуляциям. Я вообще не старался карабкаться по карьерной лестнице, меня продвигали те, кому я был нужен. Например, нужен был специалист для создания службы метрологического обеспечения работ «Главэнергоремонт», мне и поручили. А потом назначили – конечно, заместителем начальника этой службы. Нужен был специалист в научно-производственный отдел по строительству и эксплуатации подземных объектов – меня пригласили на должность заместителя генерального директора по науке. Должен сказать, что работа вторым номером – это искусство, если ты генерируешь идеи и хочешь их воплощать.

Только когда власть в стране сменилась, а вместе с ней и страна, я создал сначала институт, а затем НПО по проблемам управления, возглавив их. Мы консультировали руководство многих ведущих предприятий Крыма и несколько предприятий Украины, в том числе курировали работу Бахчисарайского комбината «Стройиндустрия». Позже генеральный директор предложил мне стать его замом, продолжая исполнять прежние обязанности в НПО. Было физически утомительно работать на двух должностях, но уже никто не мешал нам внедрять свои разработки. А были девяностые годы! Эта реплика для тех, кто понимает.

– А что же заставило успешного специалиста покинуть страну и уехать в Израиль?

– Если кратко, то наш с Наташей сын, отслуживший в Армии обороны Израиля, собирался поступать в Технион, и я приехал к его демобилизации, чтобы помочь подготовиться: у меня было девять неиспользованных отпусков. Да так и остался. Потом и жена приехала. Здесь, несмотря на все сложности репатриации, с первого дня я чувствую себя дома. Ощущения не изменились и через пятнадцать лет.

– В Вашем возрасте здесь не пришлось рассчитывать на работу по специальности...

– Да. Несмотря на то, что у меня, как и у многих моих коллег, немало изобретений, научных работ, статей и идей, поиски работы оказались безуспешными. Даже рабочим не брали, хотя у меня пятый разряд инструментальщика. К тому же в армии мне присвоили квалификацию мастера по ремонту измерительных приборов. Я не боялся, что не справлюсь, ибо руки быстро восстанавливают навыки. Вызвало ли это досаду и раздражение? Досаду, пожалуй, да, а раздражение нет. Мой отец приучил меня не раздражаться, а думать, как изменить ситуацию, чтобы жизнь продолжалась: сетования лишены смысла, отнимают душевные силы.

Я отдаю должное нашей стране – при материальной поддержке института национального страхования можно заниматься творчеством без серьёзного ущерба семье. Однако в Израиле пока не научились использовать талант и способности десятков тысяч учёных и специалистов, умеющих методично думать над решением разных задач. Это – яркое проявление бесхозяйственности и непонимания принципа соответствия. Потеряли обе стороны, но зато кто-то избавился от конкурентов. В подтверждение вспомним «неожиданно» проявившийся дефицит врачей, дефицит, созданный искусственно. Кто-то пострадал за дискриминацию врачей из СССР? Я не слышал, чтобы кого-нибудь просто хотя бы упрекнули.

Справедливости ради надо отметить, что и мы, специалисты, повинны в том, что хотя и умеем работать, но не умеем себя и свои работы продавать.

– А с чего начался интерес к духовному знанию?

– С Торы. Впервые я взял её в руки больше двадцати лет назад. Читал и поражался глубине мысли: ни с чем подобным раньше встречаться не приходилось. К тому времени я уже работал над принципами управления и понял, что описанный в Торе процесс создания Вселенной можно толковать не так, как было написано в наших учебниках. С тех пор прошло много лет. Приезд в Израиль открыл доступ к литературе, о существовании которой мне и слышать не приходилось. Постепенно удалось понять, что научное и духовное знания не только противостоят, но и дополняют друг друга. Их взаимодействие ведёт к изменению мировоззрения, позволяя постичь то, что раньше было недоступно моему миропониманию.

В Дом учёных Хайфы меня пригласил профессор Рудольф Сатановский, когда решение о создании этого Дома было только принято. Кстати, идея создания Дома учёных принадлежит Регине Фиш, которая нашла поддержку и дала возможность собраться

людям науки (как она говорила, людям одной группы крови), чтобы делиться знаниями, получать новые. Вскоре стало ясно, что ДУХ может стать своеобразной междисциплинарной лабораторией, где людям будет интересно созидать, используя разносторонние знания. И всё получилось как бы само собой, без какого-либо административного воздействия. Правда, поначалу преобладали доклады двух типов: «были когда-то и мы рысаками» и общий стон: «мы здесь никому не нужны, как и наши разработки». По мере притока новых людей и освещения новых идей нам стало интересней жить. Часть учёных вернулась к творчеству, а другие с интересом слушали и принимали активное участие в обсуждении докладов. Несомненной заслугой Регины Фиш является структуризация интересов учёных. Ныне основная работа ведётся целенаправленно в секциях: научно-технической (руководители – профессор Валерий Эткин и доктор Анатолий Фиксман), экономики и системных исследований (руководители – магистр Валентин Кошарский и профессор Леонид Темпан), гуманитарных наук (руководитель доктор Наталья Салма), медицины и психологии (руководитель доктор Семён Златин), а также в дискуссионном клубе (руководители – магистр Эмиль Коган и доктор Вениамин Арцис). Принципы нашего общения – либеральные, атмосфера доброжелательная. Специалисты выступают с докладами на темы, связанные не только с областью их знаний, но и с увлечениями – например, литературой, музыкой, туризмом... Есть у нас своё печатное издание «Вестник Дома учёных Хайфы». Ну, и семинар «Еврейские мыслители», который привлёк Ваше внимание. Пользуясь случаем, приглашаю читателей к нам, в Дом учёных – скучно не будет.

– *Поняла, что на занятиях семинара часто приходится обращаться к душе человека. Что такое душа с точки зрения науки?*

– Сложный для ответа вопрос. Душа – это нематериальный информационно-полевой объект, наделённый программой управления функциями и стремлениями человека. Согласно учению еврейских мудрецов, душа еврея содержит пять ступеней. Первая – животная. Она обеспечивает наше эмоциональное восприятие. Вторая – это дух. Третья – божественная, взаимодействующая с интеллектом. Четвёртая – ответственна за жизнеспособность человека. И пятая обеспечивает единство всех ступеней души. Она, согласно учениям наших мудрецов, находится в высших мирах. С точки зрения науки, её нет, ибо она ненаблюдаема. При интеграции двух видов знания, научного и духовного, она проявляется в состоянии тела человека, в его поведении. Стало быть, её можно опосредованно наблюдать. Для этого надо хорошенько протереть глаза, чтобы увидеть то, что непривычно учёному.

– *Учёным, наверное, нелегко объяснить знания, которые дошли до нас со времён, когда ещё не были открыты законы мироздания?*

– Как я уже говорил, существуют две области Знания. Одна – традиционная для нас. Это наука, важнейшим фактором которой является доказательное подтверждение или столь же доказательное опровержение какого-либо утверждения или предположения. Другая – духовная, которую доказать пока невозможно. К примеру, я Вам говорю: «Бог есть», а Вы мне: «А докажи». Единственный человек, который сказал, что у него есть этому доказательство, был кардинал Мозарини, духовный наставник и опекун молодого короля Франции Людовика четырнадцатого, вошедшего в историю как «Король-Солнце». Людовик, ставший абсолютным монархом, всему учился у Мозарини, который в Европе считался высшим духовным авторитетом. Однажды юный Людовик спросил опекуна: «Ты можешь привести хоть одно доказательство тому, что Бог есть?» В ответ он услышал лишь одно слово: «евреи».

– *Исаак Ньютон, имевший прямое отношение к еврейству, часто повторял: «Законы механики я вывожу из законов Божьих»...*

– Да, хотя Ньютон и не имел богословского образования. Значительную часть жизни он посвятил изучению Торы и иврита, чтобы первоисточник читать в подлиннике.

– *Известно, что мы запоминаем лишь треть получаемой информации. Когда слушаю Вас, то создаётся впечатление, что в Ваших тайниках содержится информации гораздо больше этой трети. С точки зрения науки, что это такое – память?*

– Нет, нет. Одежды эрудита мне ни к чему. Долгие годы знания и опыт откладывались в копилке, которую называют памятью. Сейчас, когда появилась возможность использовать всё накопленное для создания теории несовершенного управления неидеальными системами, копилка раскрылась. Кроме того, учёба продолжается и сегодня. Без памяти, которая с возрастом ослабевает, теоретическое творчество невозможно. Память – необходимое, но недостаточное условие для творчества.

У человека есть несколько разновидностей памяти. Одна память – традиционная, материальная, когда частотным образом, как на пластинке или на компьютерном диске, что-то записывается. Мы знаем, что организм человека содержит много жидкости. Так вот, принцип, по которому определяется другая память, состоит в следующем: ячейки молекул жидкости выстраиваются в определённой последовательности и запоминают ее. Это тоже память. Безусловно, я не осознаю процесса такого выстраивания, но это и не нужно. Вообще в природе всё имеет память: металл, камень, дерево... Но когда мы говорим о человеческой памяти, то должны знать, что она имеет не только материальную основу. Например, память полевая – это выстроенная информация, а она нематериальна.

– *Александр, есть старая притча о том, что ученик мудреет в глазах Бога, но молодеет в глазах людей. Как Вы ощущаете свой возраст, проникая в тайны религии?*

– Во-первых, я не проникаю в тайны религии, меня интересуют мысли наших мудрецов. В своё время меня поразило, что с работами греческих любителей мудрости я знаком несопоставимо лучше, чем с еврейскими. А ведь большинство выдающихся греков набирались мудрости на Ближнем Востоке, в том числе в Израиле. На семинаре мы знакомимся с текстами еврейских мыслителей, а они – люди религиозные. Видимо поэтому, по ассоциации, Вы предположили моё «проникновение» в тайны религии.

С точки зрения духовного познания я ощущаю огромный дефицит. Если, скажем, семьдесят лет я осваивал научные знания, а духовные – всего двадцать, то разница весьма существенна. Так вот с точки зрения научной, я человек достаточно пожилой, а с точки зрения взаимодействия духовных и научных форм Знания – подросток. Хотя эти оценки – весьма относительны...

– *А мысли, чувства? Во многом они, а не физическое тело определяют наше здоровье. Не случайно расхожей стала фраза: «думайте позитивно».*

– Своими мыслями мы оказываем на себя сильное воздействие. Оно может привести как к саморазрушению, так и к выздоровлению. С одной стороны, человек – существо чрезвычайно защищённое, но с другой – чрезвычайно уязвимое. Например, многое зависит от того, что, в каком состоянии и в какой момент мы услышали и как это восприняли, как «примерили на себя». Не надо надевать петлю на шею или бросаться с моста в реку, чтобы уйти из жизни. Убить себя можно и своими мыслями, хотя это один из величайших грехов. Вы знаете, что словом лечат, словом калечат. Словом можно вознести человека на седьмое небо, а можно погрузить в ад кромешный. Мы живём в мире слов, и они воздействуют на нашу психику. Поэтому с мыслями и словами, отражающими их, надо быть крайне осторожными. С генерацией мыслей связана работа когнитивной (познавательной) ступени души (нешама), а с чувствами – ступень животной души. Во

взаимодействии названных ступеней души между собой и с телом может возникнуть и проявиться болезнь. Тело также может заболеть, независимо от души, и вызвать душевные расстройства.

Вы спросили о чувствах? Они находятся во власти животной ступени души. Если её устремления не сбалансированы влиянием когнитивной ступени души, то человек оказывается в состоянии, которое называют «ибур», то есть под бременем чувств (позитивных или негативных) человек плохо контролирует свои действия и становится плохой копией животного.

– Верите ли Вы в пророчества и связываете ли их с Божьим промыслом?

– Я совсем не считаю, что пророчества – это Божий промысел, к которому можно отнести буквально всё. Каждый пророк считал, что его устами руководит Бог, а потом иногда оказывалось, что он лжепророк, ибо его пророчества не всегда сбывались. Не хотелось бы этих предсказателей огульно относить к прохиндеям, хотя и такие были. Известно, что существует голографическая память, то есть эманация (излучение) сверху (Божественная эманация) и эманация снизу (эманация творений). Взаимодействуя, они создают целостность (духовно-полевую). Она – не физическая. Пророк как раз оттуда избирательно черпает информацию, поскольку другого источника у него нет. Это вовсе не значит, что Бог ему нащёптывает что-то. Например, учёный, автор загадочных изобретений Никола Тесла тоже черпал свою информацию об электродвигателях, генераторах и трансформаторах переменного тока, которых в природе тогда ещё не было, из информационного поля. То есть он не мог прочесть об этом в какой-то книжке. Просто он умел подключаться к информационному полю и сам говорил об этом, правда, в другой терминологии. Так же делал и Леонардо да Винчи, и Исаак Ньютон...

– Принято считать, что молитва – это «штурвал», который ведёт тебя по правильному пути сквозь радости и препятствия. А что такое молитва для Вас?

– Молитва это сложный обряд самоуправления. Приведу простой пример. Когда у меня болит голова, то я читаю молитвы. В это время, не сразу, конечно, возникает ощущение, будто что-то мягкое обволакивает мою голову, и боль утихает. То есть идёт взаимодействие молитвы с моим биополем, в котором обитает ступень души – хая, а она связана с внутренними ступенями души, которые и воздействуют на болезненные самоощущения. Вообще, ступени души играют важнейшую роль в самоуправлении человека. По такому же принципу работает и метод маятника, который взаимодействует как с полем объекта, так и с полем субъекта, если у того низкий порог чувствительности. Чем выше порог, тем ниже уровень взаимодействий.

– Когда и почему Вы стали изучать неведомое, постигать то, что постичь трудно или невозможно?

– Я не религиозный человек. Я не верю, что Бог есть, я знаю, что Его не может не быть! Да, я признаю обе ветви знаний. Однако ничего не принимаю на веру, пытаюсь осмысливать всё в традициях, которые сидят во мне. Прав я или не прав, не знаю. Сам с собой на эту тему не дискутирую. Считаю, что вера – это вопрос внутренней потребности. У меня, как и у всех, есть животная душа, перед которой эти проблемы вообще не стоят. Для животной души важны эгоистические чувства. Но моя другая ступень души понимает, что это ещё не вся жизнь, что если я, скажем, что-то сверх меры хочу, значит, у кого-то что-то отбираю. Тогда я принимаю решение, как поступить. А есть люди, не умеющие отвечать ни перед собой, ни перед своими близкими, ни перед Всевышним. Надо понимать, что очень легко жить по правилам, например, религиозным, если иметь в виду принятие решений. Следуй им, и будешь счастливым. Я никогда не соглашусь с нежеланием ультра-ортодоксов работать, сопровождаемым желанием жить за счёт тех, кто работает, ничего не отдавая обществу. Да, постижение Торы – непростой труд, и их

молитвы нужны нам, нужны государству. Творец заповедал всем трудиться в поте лица своего. Наши мудрецы и работали, и молились, и страну защищали. Конечно, человек изворотлив и всё может как-то объяснить, но сказано: «ничего не добавь и ничего не убавь». Так что они вполне могли бы совмещать трудовую деятельность с изучением святых книг. Даже такой знаток Торы и Галахи, как РаМБаМ, и учился, и учил. Он писал своему ученику Йосэфу: «...до двух часов работай, обеспечивай семью хлебом насущным, а после двух помогай людям понимать Тору. Нельзя жить за её счёт».

Я рад, что многие мои коллеги согласились со мной в том, что есть смысл знакомиться с духовным наследием, чем мы и занимаемся на семинаре «Еврейские мыслители».

– А Ваши дети? Каково их отношение к религии?

– Я им ничего не навязываю. Но одну мысль повторяю: дети не должны предавать веру отцов. Большую часть жизни я был человеком абсолютно светским, но даже сегодня, когда духовные знания стали частью моей жизни, я считаю, что ко всему надо созреть. Дети мои – люди вполне взрослые и самостоятельные. Право выбора я оставляю за ними. Они видят, они думают, им и решать. Время придёт...

– Вы написали книгу «Разговор с сыном». Что подтолкнуло к этому?

– Было это давно. Погостив у сына в Израиле, я возвращался домой. Наш авиарейс задерживался. Делать мне было нечего, а в моём распоряжении оказались авторучка и газета. И вот на полях этой газеты я стал набрасывать план книги. В мыслях прокручивал наши долгие беседы с сыном об управлении миром и кратко записывал их. Так потом родилась первая часть книги, в которой из наблюдений других специалистов удалось выявить признаки управления и понять, что от признаков невозможно перепрыгнуть к принципам управления, которые просто не выводимы из них. Сейчас я реализую обновлённый замысел уже на несколько ином уровне, чем тот, с которого начинал. Правда, тогда я уже читал Тору – читал, а не изучал, как требуется, но понимал, что каждый человек должен быть знаком с этим источником духовных знаний, иначе он не может считать себя культурным и образованным, не может считать себя интеллигентным человеком. Уже на содержательном уровне Тора даёт представления о нравственности и морали, которыми сегодня непозволительно пренебрегают.

– Изучая Тору, американский актёр Кирк Дуглас, еврей по национальности, сказал: «Я понял, что Богу не нужны наши хвалы. Он хочет от нас только одного – чтобы мы стали лучше»...

– В Пророчествах сказано, что перед приходом Мошиаха будет полная деградация людей. Есть люди, которые находятся во внутреннем конфликте с собой. Вот Всевышний и дал нам божественную душу для того, чтобы она перевоспитывала душу животную.

– И это тоже серьёзная, нелёгкая работа, которой, как Вы заметили, надо не заниматься, а делать эту работу...

– Конечно. А вот нужны ли похвалы Богу, право, не знаю, не могу спросить в надежде на ответ. Мудрецы наши считали, что нужны, но не Богу, а нам, дабы возлюбить Его.

– Это – Ваше понимание намерений Бога?

– О намерениях Бога я знаю мало. Его пути непостижимы. Думаю, что Его присутствие мы можем понять только внутри себя. Мы сами для себя решаем, есть Он или нет, ведь неясная часть мира может проявляться только в явной части. В данном случае, в нас самих. И если ты идёшь от научных знаний к духовным, то сам для себя всё решишь и всё поймёшь...

– Спасибо, Александр, за познавательную беседу. Мне с Вами было интересно.

– Спасибо и Вам, Лариса.

**Лариса Мангупли,
спецкор АРІА в Израиле**